

Юрий ПОЛЯКОВ

БОСХ В ПОМОЩЬ!

О ГОРМОНАЛЬНЫХ ЛИБЕРАЛАХ
И БЕЗРОДНЫХ ПАТРИОТАХ

Коллекция Изборского клуба

Юрий Поляков

**Босх в помощь! О гормональных
либералах и безродных патриотах**

«Книжный мир»

2019

Поляков Ю. М.

Босх в помощь! О гормональных либералах и безродных патриотах
/ Ю. М. Поляков — «Книжный мир», 2019 — (Коллекция
Изборского клуба)

ISBN 978-5-6042990-6-7

Новая книга публицистики классика русской литературы Юрия Полякова дает читателю яркую картину фантазмагорической российской жизни эпохи «демократии», напоминая чем-то полотна Босха: настолько автор беспощаден в своей гротескной аналитике. Как и всегда, книга Полякова – повод задуматься над тем, к чему нас привела «десовестизация» и чем может закончиться очевидная «государственная недостаточность» в сочетании с тотальным наступлением «гормонального либерализма». Каждый текст автора – это шедевр современной художественной публицистики, где мысль точна и афористична, стиль отточен, а ироничная метафора врезается в память навсегда.

ISBN 978-5-6042990-6-7

© Поляков Ю. М., 2019
© Книжный мир, 2019

Содержание

Предисловие автора	6
Часть I	8
Богу надо помогать!	8
«Позвольте с вами не согласиться...»	14
«Бентли» у мавзолея	15
Бендер или Жеглов?	17
Сказочник из Центробанка	19
«Я был инструктором райкома...»	21
Космос комсомола	25
История одной полемики	27
Зачем отливают пули?	32
Без искры Божьей	34
Улица Горького	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юрий Михайлович Поляков
Босх в помощь!
О гормональных либералах
и безродных патриотах

© Поляков Ю.М., 2019

© Книжный мир, 2019

Предисловие автора

Книга, которую вы держите в руках, – это сборник, куда вошли мои статьи, эссе, интервью за последние три года. На встречах читатели иногда спрашивают: зачем поэты, прозаики, драматурги пишут публицистику? Неужели они не могут свести счеты со временем при помощи, скажем, могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи растащили общенародную собственность? А ведь есть еще эпиграммы, памфлеты, антиутопии, позволяющие от души поквитаться с действительностью. Но литераторы, в том числе автор этих строк, продолжают писать статьи, эссе, давать интервью, сочинять язвительные эпистолы и даже дерзить в Сети.

Почему? Да потому, что процесс художественного творчества долог, сложен, противоречив и непредсказуем; влияние художественного текста на общество неочевидно и ненадежно, напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. А что же делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство – тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как пелось, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив...

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. Иные начальники государства даже испытывают пикантное возбуждение, узнавая себя в цветистых сарказмах романиста. Но не дай бог заикнуться о том же самом в газете: старуха Цензура тут же заточит свой синий карандаш. Нет, я не жалею, а хочу обратить внимание на то, что любая власть борется с инакомыслием одинаково: начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием.

Когда в 97-м я впервые собрал воедино статьи, написанные в течение десяти лет и разбросанные по газетам-журналам, у меня получился своего рода невольный дневник. Именно дневник. Во-первых, я живо откликался на все значительные события и происшествия, во-вторых (это главное!), всегда был искренним в своих суждениях. А искренность в писательской публицистике встречается не так уж часто, хотя, казалось бы, именно своей откровенностью интересен литератор. Лукавство – это, скорее, трудовой навык политика. Впрочем, по моим наблюдениям, число профессионально неискренних писателей неуклонно растет, это, наверное, какая-то мутация, вроде клопов с запахом «Шaneli». И нынче редкий столп общества или вечнолояльный деятель культуры отваживается свести в книгу и представить на суд читателя свои статьи именно в том виде, в каком они увидели свет двадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя деятельность не была противоречива до идиотизма или изменчива до подлости. Надеюсь, читая в этой книге раздел под названием «Актуальный архив», вы убедитесь в справедливости моих слов.

Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи и эссе, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить лишний пар – социальный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на подлость эпохи, тоску бытовых неурядиц. Это важно, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, он обязан отбирать осмысленные зерна жизни. Ныне появились многочисленные литераторы, которые с помощью сочинительства лечат себя от ночных кошмаров и социального уныния, но, увы, чтение их текстов мало чем отличается от визита к дантисту, подрабатывающему еще и проктологом. Да, художник имеет право на пристрастие, но без гнева. Он должен попытаться понять всех, ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого нравственного человека – свои помрачения сердца. Но об этом – в моих романах, повестях, пьесах...

Почему я назвал сборник «Босх в помощь!»? Да потому что наша жизнь временами удивительно похожа на полотна этого загадочного нидерландского художника: глупость, жадность, лукавство и порочность достигают почти космической символики. Когда я смотрю телевизор или оказываюсь в коридорах власти, мне кажется, что я становлюсь невольным персонажем одной из картин этого беспощадного мета-насмешника. Не согласны? Прочтите книгу, а потом поспорим...

*Юрий Поляков,
шоль 2019 г., Переделкино*

Часть I

Заметки несогласного Новая публицистика

Богу надо помогать!

Когда я думаю о современной российской культуре, у меня возникает сравнение с яхтой, которую винт гонит в одну сторону, а ветер в парусах – в обратную. Главная проблема заключается в том, что по содержанию и направленности наша культура часто и принципиально не совпадает с теми историческими задачами, которые стоят перед Отечеством. Конечно, искусство, творчество, художественная деятельность – это особая, хрустальная сфера. Как писал великий Маяковский: «нажал и сломал». Отменив цензуру, наше мудрое государство решило, что искусства впредь будут множиться сами, как кролики, выпущенные из вольера, и теперь гораздо больше заботится о банках, словно у нас не рыночная экономика, а банковский заповедник.

Мы живем в эпоху, когда против нашей страны сложился настоящий «открытый заговор». Это выражение принадлежит моему британскому коллеге Герберту Уэллсу, он не только великий романист, но и один из создателей концепции Нового Мирового Порядка. Именно так называлась его малоизвестная у нас в стране книга. Фантаст предвидел: чтобы сломить сопротивление слишком «строптивых» и самостоятельных стран, основной удар «открытого заговора» направят против патриотизма, традиций, базовых религий, страт и деятелей, настроенных консервативно. Другими словами – против всех тех скреп и устоев, которые мы должны, как призывает президент Путин, неустанно отстаивать и хранить всем миром.

Давайте под этим углом и взглянем на то, что происходит у нас в сфере культуры и образования. Начнем с русского языка. Он является не только средством межнационального общения в нашей многоплеменной державе, но и тем кодом, который сохраняет и воспроизводит весь русский мир. По моим наблюдениям, уровень владения русским языком упал даже у журналистов и литераторов, выпускники журфаков допускают в текстах глупейшие ошибки. Языковой запас чрезвычайно обеднел, синтаксис упростился до убожества, о красотах стиля даже говорить смешно. А ведь продолжатель дела Герберта Уэллса известный писатель Оруэлл утверждал в 1943-м: сознание становится примитивным, а человек легко управляемым, если сократить лексику тех же радионовостей до 650 существительных и 200 глаголов. Но ведь к тому все идет!

С глухотой к родному слову сталкиваешься даже в государственных и деловых документах. Ну, разве можно называть в циркулярах наши деревни и села «поселениями»? Это же слово со времен Аракчеева имеет отчетливую отрицательную коннотацию. А «панельная дискуссия» – это про что? Кто стоит на панели, общеизвестно. Уж лучше, как раньше, – «прения». Хотя бы по-русски. Или вот департамент образования Москвы созывает на пресс-конференцию, посвященную «мониторингу менторинга». А по-русски нельзя? Чем хуже «наставничество»?

...Мне кажется, давно пришло время создать полномочный экспертный центр, где профессионалы: лингвисты, историки, писатели, журналисты, правоведы, – давали бы заключение: стоит ли то или иное словесное новшество допускать в нашу языковую Вселенную, подбирали бы синонимы из богатых языковых залежей, до поры невостребованных, предлагали бы неологизмы на основе русских корнесловий. Это обычная практика во всем мире. Тогда к нам

проникала бы лишь та иноязычная лексика, которая языку необходима. Это только кажется, будто нашу языковую Вселенную нельзя засорить. Мировой океан-то уже замусорили.

Другой пример. С удовольствием слежу за проектом Первого канала «Голос», радуюсь, что, кроме наших фанерных звезд, кто-то еще в Отечестве поет сильными, чистыми, молодыми голосами. Но большинство песен исполняется на английском языке, точнее, на его американской версии. Соотношение примерно 5 к 2. В лучшем случае. Чаще всего звучат знаменитые хиты, а то и, прямо скажем, шедевры массовой заокеанской музыкальной культуры.

Я далек от призыва «не пущать!». Но, с другой стороны, «Голос»-то – проект общероссийского телевидения, и таланты мы ищем все-таки для нашей эстрады, для нашего слушателя, для нашей песни, у которой тоже есть свои вершины, легенды, шедевры! Наконец, есть и свой родной язык! Или же Константин Эрнст по аналогии с Силиконовой долиной, укомплектованной русскими мозгами, еще «Греми» хочет заполнить русскими голосами?

Лично у меня возникает странное чувство эфирной неадекватности. Сначала на том же Первом канале мы слышим филиппики в адрес коллективного Запада, который под водительством США и Британии обложил нас по периметру и гнобит то за допинг, то за Скрипалей, а потом запекает «Голос» – почти исключительно по-английски. Согласитесь, какое-то глуповатое неуважение к себе в этом есть. Неужели нельзя найти ход, условие для участников, чтобы и русская песня в проекте звучала в полный голос, доминировала, а не оставалась на подпевках. Я бы порадовался, если бы кто-то спел и на татарском, и на якутском, и на чеченском, и на аварском... Ведь конкурсанты едут со всех регионов страны, в том числе национальных. Нет же! Видимо, как говаривал покойный поэт-фронтовик Егор Исаев, это тот случай, когда кудрей много, а головы мало. Складывается впечатление, что Спасская башня у нас сама по себе, а Останкинская сама по себе.

Поверьте, общественные настроения в последнюю очередь формируются информационными программами, они, как в советскую пору, – партсобрания. Куда важнее подбор художественных и документальных лент, просветительских передач. Я не раз возглавлял на кинофестивалях жюри документальных фильмов и видел сотни замечательных глубоких работ по истории, искусству, науке, экономике, просто – нашей жизни. Многие фильмы получали премии, но потом я их не видел в эфире. Никогда. Где они? На каких полках лежат? «Линейка не резиновая!» – обычно объясняют телена начальники. – Нет места...» А для чего у вас есть место? Для бесконечных «ментовских войн», от которых все уже осоловели: одни и те же сюжеты, диалоги, актеры, только на НТВ он следователь, а на РТР – бандит. Иной раз ахнешь: ух, ты, какой неожиданный сюжетный ход – мент оказался паханом! А потом сообразишь, что просто ошибся кнопкой и канал перепутал. Мало своей лабуды, так нет же: наше ТВ у американцев бывшие в употреблении «контенты» покупает. Чем они лучше «ножков Буша», от которых мы с трудом избавились? Ничем. Зачем нам столько бессмысленных сериалов? Говорят: для рейтингов, ведь ТВ – это бизнес. Чей бизнес? Кто выгодополучатель? Зритель? Что-то не похоже. Говорят, не нравится – не смотри! Знаете, водоснабжение – тоже бизнес, однако если из крана течет ржавая муть, а тебе говорят: «Не нравится – не пей!», – что тогда делать? Ответ очевиден: гнать в шею директора водокачки.

Наше ТВ пышно-однообразно, точно пластмассовые пальмы в дешевом ресторане... А ведь кроме сериалов про совестливых киллеров, бескорыстных олигархов и топ-моделей, невинных, как лабораторные мыши, кроме ток-шоу с одними и теми диспутантами, говорящими каждый день одно и то же, есть много интересного в жизни. Наша богатая культура и героическая история буквально взывают: черпай полными пригоршнями! Но толи наш «эфирный класс» малообразован, толи уже шагнул в «цифровую цивилизацию», где главное – сумма прописью. Не знаю... Напомню, даже к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года не показали ничего нового, кроме позорной ленты «Поручик Ржевский и Наполеон», за которую авторов надо бы выпороть на Болотной площади. А ведь судьбы героев 1812-го, включая их

бурные любовные баталии, это же – феерически интересные сюжеты для кино и телевидения. Англичане из своего Нельсона, как китайцы из сои, чего только не понаделали! А мы? Почему к 200-летию Герцена не сняли сериал по мотивам «Былого и дум»? Тут тебе и страсти, и тайны политической борьбы, и эмигрантские интриги... Нет, вот вам «Улица разбитых фонарей – 6»! Очнитесь, телебароны, наши зрители далеко не телебараны! Французы, американцы, англичане давно сняли сотни сериалов и полных метров про всех своих мало-мальски заметных соотечественников. Недавно на «Культуре» шел сериал Би-би-си про братство прерафаэлитов. Не оторвешься! Но судьбы наших гигантов серебряного века Блока, Врубеля, Серебряковой, Белого, Волошина, Ахматовой – не менее увлекательны! Чем Николай Гумилев хуже Киплинга или Лоуренса Аравийского? Ничем. Лучше. Максим Горький далеко не весь экранизирован, но наше ТВ встретило его 150-летие без особой радости, ни новых лент, ни дискуссий, даже про возвращение памятника на площадь Белорусского вокзала сообщили, точно извинились.

Исполнилось 200 лет Ивану Сергеевичу Тургеневу, который был не только великим писателем, жертвой трагической любви, но еще и нашим, как бы мы сейчас сказали, резидентом в Западной Европе. Титан! Однако и эта дата прошла по стране тихо, как вор-форточник по спящей квартире. Слава богу, открыли первый в Москве памятник Тургеневу... (Окуджаве, кстати, давно уже стоит) К слову, к 250-летию памятник Карамзину так и не поставили, только собираются – в Ясенево. Раньше планировали в Брюсовом переулке, где великий историограф бывал, но там к столетию композитора Свиридова воздвигли памятник виолончелисту Ростроповичу. А Свиридову даже, вроде, и не собираются ставить. Странная монументальная стратегия у нашей Державы. Очень странная...

Зато столетие Солженицына затмило юбилеи и Лескова, и Лермонтова, и Гоголя, и Даля, и Горького, и Толстого, и Карамзина вместе взятых. Обещали, во время праздничного салюта гроздья петард сложатся над Кремлем в слова «Архипелаг ГУЛАГ»... В последний момент передумали, убоявшись аллюзий.

Да уж, тех, у кого были нелады с Советской властью, наше ТВ просто обожает. Недавно все каналы широко отметили в эфире столетие Александра Галича. Плохо это? Нормально! Но почему в те же дни почти не заметили столетие ярчайшего поэта-фронтовика Михаила Луконина? А недавнее столетие Алексея Фатьянова и вообще проигнорировали. Странная забывчивость и небрежение к героическому поколению (Галич, кстати, не воевал по слабости здоровья) в стране, которой геополитические партнеры уже и атомной бомбой пригрозили, а мы их в свою очередь предупредили: в таком случае они тоже подохнут, но без покаяния. Выходит, если юбилар в свое время не разругался с Кремлем, не отъехал к супостатам, то и чествовать его, вроде как, не за что? Страна, не помнящая своих героев, очень скоро забудет и свое имя.

Претензий у общества к ТВ накопилось выше Останкинской башни, но, как говорится: «Кому повем печаль мою?» В свое время «Литературная газета» напечатала дюжину материалов, подготовленных нашими собкорами за рубежом, и все они были про то, как устроен общественный контроль над ТВ в разных странах – в США, Франции, Германии, Израиле, Испании, Англии, Канаде... Оказалось: везде непременно есть наблюдательные советы и комитеты, чья оценка существенно влияет на политику каналов, вплоть до снятия возмутительных программ из сетки, не говоря уже о подборе важной для граждан тематики. В Британии такой совет, например, возглавляет сама королева. У нас такого совета нет, даже не предвидится, хотя говорят о нем очень давно.

Вот еще характерный пример. В середине 90-х я вел на канале «Российские университеты» (где они?) передачу «Стихоборье»: поэты читали стихи, а жюри и зрители выбирали лучших, как в том же «Голосе». Передача, между прочим, шла в прямом эфире 39 минут. Потом стихов долгое время вообще на телевидении не был. Наконец, появилось одно-единственное поэтическое шоу. Но вот какая странная штука: среди стихов, читаемых вслух участниками шоу, я ни разу не слышал ни одной строчки, посвященной стране, родине, нашей природе,

истории... А ведь мы-то с вами знаем, что патриотическая лирика есть у всех больших поэтов. Я много лет в ЛГ читал стихотворный самотек и уверяю вас, у современных авторов множество острых гражданских и ярких патриотических сочинений. Где они?

Почему в эфир не попадают? Что за странный отбор? Спрашиваю руководство канала. Отвечают: мы-де покупаем готовый контент, а авторы проекта так видят современную поэзию. Ну, так купите другой контент? Что за вопрос? Почему миллионы зрителей должны видеть поэзию глазами дальтоников, тех, кому не интересны, а то и неприятны стихи о Родине? Тут бы и пригодилось мнение общественного совета по ТВ, если бы он у нас был...

Раз уж я коснулся литературы, продолжу тему. Захожу в книжный магазин, а их у нас становится с каждым годом все меньше и меньше. Прогорают, да и помещения им от советских времен достались лакомые. Наша власть никак не поймет, что продажа книг и торговля предметами роскоши, включая алкоголь, не могут облагаться одинаково. Навык граждан к серьезному чтению – такое же достояние страны, как газ и нефть. Итак, захожу в магазин, беру с полки книгу, открываю наугад и наталкиваюсь на такой вот абзац: героиня во время Великой Отечественной войны с ужасом смотрит на плакат, с которого страшная седая старуха когтистой рукой заманивает единственного несовершеннолетнего сына героини на верную смерть. Речь, как вы поняли, о плакате «Родина-мать зовет!» Не слабо, согласитесь?

Открываю другой сборник, на первой же странице автор сообщает, что звуки гимна СССР у него всегда ассоциируются с испражнением, так как рано утром его, мальчика, обычно будила радиотрансляция, возобновляемая в шесть часов, и он брел в туалет. Напомню, гимны СССР и РФ – это одна и та же музыка. Конечно, можно возразить: мало ли что взбредет в голову неадекватным графоманам? Издержки свободы слова. Согласен, но обязан уточнить: книги я брал со специальной полки, где красуются исключительно авторы-лауреаты различных премий. Правда, интересно?

Увы, я должен сказать горькую правду: антисоветизм, который является по сути одной из разновидностей русофобии, – сегодня стал главным мотивом премиальной литературы, сосредоточенной на ужасах российского XX века. Поймите меня правильно, я не умаляю жертв «века-волкодава», я за правду о высотах и безднах советской эпохи. Ну, так и дайте читателям эту правду, изучайте эпоху, в которой вы не жили, ройте архивы, документы, честные мемуары! Зачем же гнать на поток злобно-кровавые фэнтези про свирепый совок? Зачем придумывать доморощенного Гарри Поттера с тоталитарным оскалом? Из-за таких литераторов сегодня уже и студенты-историки ГОЭЛРО с ГУЛАГом путают. Хорошая книга делает человека лучше, а плохая хуже. Подобные сочинения воспитывают в неопытных умах и душах то, что называют «автофобией» – ненависть к своему народу, стране, родной культуре и истории.

Допустим, организаторам «открытого заговора» против России такая премиальная литература на руку, а нам-то с вами зачем? Почему именно такие книги упорно премируются, почему «автофобия» навязывается за счет казны, как некогда навязывались малохудожественная героика и принудительный оптимизм? В иных книжных магазинах, обратите внимание: буквально у порога сложены стопками и увенчаны броской рекламой богато изданные тома истории государства российского, сочиненной детективистом Борисом Акуниным. Мягко говоря, это либеральный и весьма скептический взгляд на Отечественную историю. Читая такое, патриотом не станешь. Имеет автор на это право? Безусловно. Мы живем в свободной стране. Но есть другой системный популяризатор нашей истории Валерий Шамбаров, который, по-моему, пишет свои труды живей, доказательней да еще и с умной любовью к Державе. Но чтобы найти его книги, вам придется облазить полмагазина. Почему? Не знаю, но с такой ситуацией (Акунин на столе, а Шамбаров в подполе) сталкивался буквально от Смоленска до Владивостока. Система, однако. Кому это нужно? Ну, не Кремлю же...

Но и это еще не все: книги, обнаруженные мной на лауреатской полке, широко рекламируются, у них лучшие выкладки в магазинах, по ним заставляют писать «тотальные» (почему,

кстати, не всеобщие?) диктанты, забыв исправить грамматические ошибки авторов. Затем их переводят и выпускают за границей за казенный счет. Читают такие романы за рубежами и думают: так, значит, Россия на самом деле – империя зла, а мы сомневались, надо бы еще санкций подбавить! Я дебютировал в свое время острыми повестями «ЧП районного масштаба» и «100 дней до приказа», которые некоторое время не пропускала в печать цензура, я всей душой за правду и против запретов. Но правда и автофобия – вещи разные. На Лондонском книжном салоне после выступления членов российской делегации кто-то из местных книголюбов меня спросил: а что, в России все писатели так не любят свою страну? Нет, разумеется, не все, большинство любит, но по какому-то странному стечению обстоятельств их не посылают на ярмарки, книги тех, кто талантливо продолжает традиции Федора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина не доходят даже до длинных премиальных списков. Любопытная подробность: когда в 2001 году я возглавил ЛГ, то обнаружил, что Распутин и Белов не упоминались в ней с 1991-го. 10 лет! В газете эту несправедливость быстро поломал. Кто ломает странную премиальную систему?

Этот перекосяк, меж тем, норовит перекинуться в школу. Когда обсуждали список книг для внеклассного чтения, я спросил представителя Академии образования с трепетной фамилией, почему так много авторов-эмигрантов, причем, не первой волны, когда людей выбросила из страны грозная стихия революции, а третьей и четвертой волн. Речь идет о тех, кто сознательно выбрал себе иную цивилизационную среду обитания. Может быть, школьнику вместо безусловно талантливого Довлатова, страдающего онтологическим похмельем, лучше почитать сначала не менее талантливого Конечского, писателя острого, искрометного и к тому же – капитана дальнего плавания? И вдруг госчиновник с трепетной фамилией стал корить меня, что я-де не понимаю драмы творческих метаний. Да понимаю я, сам иной раз с утра страдаю и мечусь, не хуже Довлатова. Но мы кого растить собираемся, дорогая Академия образования, – эмигрантов, которые сидят на чемоданах и ждут оказии, или тех, кто будет обновлять Россию?

Увы, современная российская литература во многом отстранилась от того, чем живет наше общество. Причин несколько. Но одна особенно важна. У нас традиционно литературный процесс развивался в системе Союза писателей, который был самым влиятельным творческим сообществом в стране, однако в середине 1990-х Союз почти на четверть века впал в обидчивую летаргию, на что были причины объективные и субъективные. И те, и другие теперь в прошлом. Сейчас Союз писателей России возглавляет новый, энергичный лидер прозаик Николай Иванов, и дело сдвигается с мертвой точки. Но, увы, одной энергии мало. Сегодня для нашего государства любой творческий союз почти не отличается от Гильдии художественного свиста или Конгресса любителей длинношерстных морских свинок. За два десятилетия было несколько неудачных попыток разработать и принять закон о творческой деятельности и творческих союзах. Дважды проект такого закона уплывал в горные выси наших законодательных структур, но назад, как Экзюпери, не возвращался. Поверьте, такой закон кровно необходим для нормального развития отечественной культуры, но особенно он поможет отечественной словесности, ибо дезинтеграция писательского союза зашла слишком далеко.

...Теперь о нашем театре, сотрясаемом скандалами, финансовыми и зрелищными. На академических сценах можно увидеть такие режиссерские изыски, что вызывают оторопь у нормального человека. Нет, я не против эксперимента, даже самого смелого, но искать надо в лаборатории и, не нарушая финансовой дисциплины, а то потом сорок тысяч следователей концов найти не могут. Когда-то, еще при Ельцине, власть сказала театральной элите: делайте, что хотите, только нас поддерживайте! В результате делают, что хотят, и не поддерживают.

Наша сцена почти утратила то, чем славилась на весь мир: социальность, психологизм, добролюбие. Театр у нас искони меньше всего развлекал, он воспитывал, будил совесть, ставил перед обществом сложные нравственные вопросы, истину царям и генсекам с улыбкой говорил. Сегодня повести, скажем, подростка на спектакль, который учит добру, – целая про-

блема. ТЮЗы, созданные некогда именно в воспитательных целях, давно стали полигонами, где худруки реализуют свои болезненные комплексы. Там даже увидеть не искаженную классику редко удастся. А ведь приобщение к театру следует начинать с нормативных трактовок и прочтений, ведь тогда юному зрителю потом будет понятен смысл и качество новаторства. Если же подросток на своем первом «Гамлете» видит принца датского, который ездит по дурдому в инвалидной коляске и ставит Офелии клистир, то неопит может навсегда для себя решить, что театр – это такое место, где показывают голые ягоды, а не задаются вопросом: быть или не быть?

Вторая важнейшая традиция нашего театра – художественное исследование социально-нравственного состояния общества. Зрителю всегда была, прежде всего, интересна современная драматургия. Гоголь, Островский, Сухово-Кобылин, Чехов, Горький, Андреев, Булгаков, Розов, Вампилов... Все они были когда-то современниками зрителей и остро актуальными авторами. Сегодня же у нас есть театры, в том числе в Москве, где вообще нет современных пьес, ни одной. В других театрах они есть, но идут в подвалах и на чердаках, что, наверное, к лучшему, так как принадлежат к той ветви литературы, о которой я уже говорил и которая усердно старается увязать наш гимн с фекалиями. Пора бы вспомнить, что новизну в искусстве диктует лишь новый смысл, навязывать публике бессмысленную новизну – то же самое, что кормить младенца силиконом вместо грудного молока.

В заключение снова хочу вернуться к нашей актуальной истории. Меня задело, с какой вежливой отстраненностью провели торжества по случаю 100-летия комсомола. Странно! Почти все нынешние чиновники высшего звена состояли в ВЛКСМ, иные трудились на высоких должностях. Чего стесняться-то? 29 октября могло бы стать у нас Всероссийским Днем молодежи. Комсомол своей грандиозной работой на благо Отечества это заслужил. Нет, не сочли нужным. Или возьмем 7 ноября. Для моего поколения эта дата останется навек красным днем календаря. Честно говоря, в 2017-м, когда исполнилось 100 лет Великой Революции, я надеялся, что произойдет символическое примирение красных и белых, и День народного единства превратится в Дни народного единства, как раз с 4 по 7 ноября. Не превратился, не решились, хотя большинство народа это оценило бы. К сожалению, воспаленный либеральный аппендикс порой определяет у нас самочувствие всего государственного организма. А ведь единство нашей Державе, теснимой ныне со всех сторон и отмахивающейся от супостатов баллистическими «булавами», необходимо! Конечно, России помогает Бог и Богородица. Но и Богу с Богородицей тоже иногда надо помогать...

В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на заседании Верхней палаты парламента под председательством В.И. Матвиенко.

Ноябрь 2018 года.

«Позвольте с вами не согласиться...»

Не все так уж плохо на Украине. Вот уже и Рада, вслед за российскими государственными мужами, озаботилась борьбой со сквернословием на улице, в присутственных местах, прессе и эфире. Там это, вроде бы, называется «демаютюкизировать мову» и является частью насильственной дерусификации населения. Меры драконовские: выматерился – плати 25 долларов или отправляйся на общественные работы. Помашешь лопатой сорок часов и в следующий раз вместо: «Пошли вы все на...» скажешь с милой улыбкой: «Позвольте с вами не согласиться!» А главное – штрафы будут перечисляться в «украинский культурный фонд» и пойдут, надо полагать, на борьбу с русским духом. Деньги, как известно не пахнут, и, добавлю от себя: не матерятся вслух.

Одно только меня озадачивает. Те, кто задумал это новшество, всерьез утверждают, что сквернословие – это вообще «чисто российское изобретение, чуждое украинцам». Хочу огорчить соседей: обценная, нецензурная лексика (в нашем случае – неискоренимый мат) свойственна всем нормальным и естественно развивающимся национальным языкам. Да, в эсперанто ее, увы, нет. Наверное, и в украинском языке, а точнее в том «мовоязе», который искусственно и поспешно формировался в последние десятилетия по принципу максимального отдаления от общерусской основы, его тоже не стало. Допускаю. Сочувствую. Увы, наверное, теперь полтавскому малороссу, львовскому галичанину или одесскому еврею, чтобы выразить резкое недоумение по поводу первых шагов юморного президента Зеленского, приходится заимствовать сильные выражения у проклятых москалей. Что ж, пользуйтесь, младшие и неблагодарные братья, нам не жалко! Тем более что и меры по борьбе со сквернословием украинцы тоже позаимствовали у россиян. Наш Роскомнадзор составил список из четырех заветных слов, запрещенных к общественному употреблению, а также определил меру наказания за это еще шесть лет назад. С тех пор мы материмся только про себя, но чаще, чем прежде...

Июль 2019, АиФ

«Бентли» у мавзолея

Мексиканские власти распродают с аукциона имущество, изъятное у коррупционеров. Полученные средства распределяют между бедным. А что же у нас?!

А у нас почему-то очередного коррупционера объявляют в розыск только после того, как он закончит последнюю операцию по выведению средств за границу, и последний его домочадец ступит на борт самолета в Шереметьево. В этот момент наши фискальные органы как бы прозревают и начинают ловить злодея. Не поздно ли? Ведь и с Дона, и с Лондона выдачи нет!

А ведь хищения чудовищные! Приведу только один пример: университет на Ленинских горах и все московские высотки в переводе на современные доллары обошлись тогда советскому государству в 1,5 миллиарда долларов. Таким образом, один только вице-губернатор Московской области Кузнецов вывез почти два университета со всеми высотками, вместе взятыми. Один! А сколько у нас таких «кузнецовых»? Имя им легион. Вы представляете, сколько всего можно было построить на эти деньги, влившиеся в западную экономику? Сколько можно было людей бесплатно выучить и вылечить! В статье трехлетней давности я назвал нашу элиту «перелетной». Одно время у нас начали было публиковать, у кого из богачей и начальников где и живут учатся дети или внуки, но очень быстро это дело свернули. Стало ясно: почти у всех чада за рубежом. Это же катастрофа, если элита, представители правящего класса не связывают судьбу своих семей с судьбой страны, где они свои богатства нажили.

Почему же в Мексике додумались до конфискации имущества коррупционеров, а у нас нет? Дело в том, что латиноамериканский, в том числе и социальный, темперамент, гораздо взрывоопаснее нашего, российского, если не считать Кавказ. Мы, русские, поднимаемся на серьезные социальные протесты редко, однако тогда сносим все на своем пути. Впрочем, исторический опыт, особенно девяностые годы, учит, что жизнь после слома становится еще хуже. И наша национальная память советует нам терпеть до последнего, потому что в России развал государства равнозначен исчезновению народа, прежде всего русского. К тому же наш народ внушаем и слишком доверяет новым словосочетаниям.

У нас опускание общества в кошмар «лихих девяностых» обошлось без большой крови, если не считать этнических конфликтов на окраинах и взаимного истребления бандитских группировок. Все это у власти вызвало иллюзию, будто так можно жить дальше. Сложился принцип: пусть богатые богатеют, как хотят, а бедные выживают, как умеют. Но это очень опасная формула. Очень! Как писатель, я замечаю рост социального недовольства, вижу, как зреют гроздья социального гнева. У одних щи пусты, а у других жемчуг мелок. Поскольку класс богатых у нас молодой, он еще не освоил методики отвлекающей филантропии, показной скромности, все то, чем в совершенстве владеют западные толстосумы. А у нас богатство выставляется напоказ. Если бриллианты, то с грецкий орех, если «Бентли», то ездить надо обязательно вокруг Мавзолея да еще постреливая из золотого пистолета. Знаете, на честно нажитые деньги так не дурят. Людей, живущих от зарплаты до зарплаты, это, конечно, бесит.

Я считаю, давно пора жестко прописывать в законе порядок конфискации «нечестных денег», причем эти средства надо не просто изымать, а аккумулировать в Фонде социальной справедливости (ФСС). Или можно назвать его Фондом опережающего развития страны (ФОРС). Называйте, как хотите, лишь бы средства из этого фонда тратились с умом, вкладывались в образование, которое почти стало платным, в здравоохранение, которое тоже недешевое, чтобы за счет «раскулаченных» коррупционеров повышались пенсии, поддерживались многодетные семьи, одинокие матери.

Кроме того, надо, наконец, дать нравственно-правовую оценку тому, что творилось в стране в 1990-е, тем же залоговым аукционам. Я понимаю: тех, кто в той криминальной ситу-

ации, сознательно созданной «реформаторами», превратился в миллиардеров, сажать, грубо говоря, уже поздно. У них внуки женились. А вот обложить налогом за былое лихоимство, сильно ударившее тогда по соотечественникам, можно и нужно. Эти люди обогатились на нашем общем обнищании и должны за это заплатить, причем достаточно крупные суммы. Размер налога за незаконное обогащение в каждом конкретном случае определяют компетентные органы, а средства поступят во все тот же ФОРС, который должен контролировать президент. Тогда можно говорить о моральной амнистии.

На первый взгляд, мое предложение выглядит утопичным и даже как-то по-детски. Но, если мы посмотрим на ту же Мексику, на другие страны, где произошли серьезные социальные сломы, стоившие благосостояния миллионам людей, то увидим: там работают как раз в этом направлении. Обратимся к нашей истории. После революции и гражданской войны для того, чтобы накормить, восстановить и модернизировать страну, сначала экспроприировали «помещиков и капиталистов», а потом безжалостно обобрали и «справных» крестьян, которые, кстати, десятилетием раньше не менее жестоко разоряли помещичьи гнезда. Никто не спорит: это был жесточайший шаг советской власти, но благодаря ему мы построили промышленность, вооружили армию и выиграли войну. Вот я и фантазирую: почему бы нам следующий рывок модернизации не осуществить за счет «ограбления» тех, кто ограбил всех нас в девяностые годы, тех, кто сделал состояния на нашей геополитической, моральной, экономической трагедии? Сурово? А кто вам сказал, что История – это Санта с мешком подарков?

АиФ, 2019

Бендер или Жеглов?

Когда нынче заходит речь об обладателях миллиардных состояний, не понятно, откуда взявшихся, сразу как-то всплывает параллель с Александром Ивановичем Корейко – персонажем Ильфа и Петрова. Но Корейко от всех скрывал свои бесчестно нажитые богатства, мыкался с чемоданом, набитым валютой, по стройкам социализма. Современные же наши «корейки» гордо выставляют роскошь напоказ, а их недоросли, затерроризировали нас, гоня без правил на своих «майбахах». Да, в середине 20-х правоохранительная система только налаживалась и была малоэффективна. Напомню, Корейко вычислил и разоблачил не МУР, а талантливый прохиндей Остап Бендер, которого, кстати, при попытке вывезти ценности за рубеж задержала не советская, а почему-то румынская погранслужба. Уловили? В хорошей прозе просто так ничего не случается.

По некоторым источникам, в ту пору до четверти осужденных разбежались по домам из мест заключения, а разоружившихся перед партией уклонистов просто назначали на менее ответственные должности. Ситуация резко изменилась после голода начала 30-х, во многом возникшего из-за тотального воровства на местах и теневых махинаций с зерном, а также после убийства Кирова. Ожесточившись, советская система борьбы с политическим террором, хищениями и злоупотреблениями достаточно успешно работала до конца 1980-х, а потом ее сознательно развалили, ведь на глазах у Жегловых и Шараповых разворовывать социалистическую собственность, богатеть за счет обманутых было бы затруднительно. Достаточно вспомнить Березовского, чтобы убедиться: наши корейки образца «лихих девяностых» были неуловимы и не подсудны, так как их никто не ловил и не судил. Генерального прокурора судили, припоминаю. Такова была стратегия ельцинизма – любыми способами, легализуя криминал, как можно быстрее создать класс богатых, новую буржуазию и на нее опереться. Сталин был вынужден обобщить остатки правящего класса и впрячь в новое тягло крестьянство, чтобы провести ускоренную индустриализацию. Сурово? Да, сурово. Но гиганты первых пятилеток снабдили армию первоклассным оружием, а колхозы кормили воюющую с фашистами страну. В этой жестокой стратегии был хотя бы исторический смысл. А обобщить всю страну, чтобы наплодить Березовских, Гусинских, Смоленских, Рыболовлевых и проч. Зачем? Где они теперь со своими, а точнее – с нашими миллиардами? Курам на смех скупают подделки мировых шедевров? Вот и висит на стене в Монте-Карло поддельный Рафаэль, а могли бы стоять школы, больницы, стадионы. В России. Оперлись на них? Шиш!

С неэффективностью правоохранительной системы сталкивался почти каждый из нас. Бандитский налет на мой дом в Переделкино в 2009 году так и остался не раскрытым, да, по моему, никто особо не старался, отмахивались, перекидывая дело из одной структуры в другую. А ведь это был налет на жилье руководителя общефедерального печатного органа, в ту пору члена Совета по правам человека при президенте РФ. Что же говорить, если жертвой становится рядовой, так сказать, налогоплательщик? Не достучишься. И сколько у нас таких недостучавшихся? Но как-то незаметно исчез сам жанр журналистского криминального расследования. Был и нет. Отбили у газетчиков желание, иногда вместе с почками.

Думаю, наша правоохранительная система еще не до конца оправилась от разгрома конца 80-х и начала 90-х. Иначе невозможно объяснить, как, например, руководителем стратегической Росгеологии стал гражданин, проходивший по убийному делу, да еще оформивший себе документы на другую фамилию. Могу лишь напомнить исторический факт: когда в начале 30-х после голода разбирались с виноватыми, оказалось на местах на видных должностях работали бывшие антоновцы и петлюровцы, разбежавшиеся по бескрайней стране. Некоторые даже документы менять не стали. Связь улавливаете? Разве никто не знал, что творится с газом в Карачаево-Черкесии? Да там об этом на базарах говорили. Я много езжу по стране и обратил

внимание: до тех чудовищных злоупотреблений, о которых там вслух говорят люди, руки у органов доходят только спустя годы или вообще не доходят. Объясняют обычно так: «Москва не дает отмашку...» Так оно или нет, но такая ситуация авторитета центральной власти не прибавляет, в народе все чаще упрекают Кремль в том, что он не может или не хочет пресечь воровство и коррупцию. Преувеличиваю? Возможно, но почему же тогда по официальным сведениям в 2018 году казнокрадство достигло 66 миллиардов, а годом раньше составляло 46 миллиардов. Стали лучше считать? Возможно. Но хотел бы вспомнить слова мудреца XVII века: шапка Мономаха держится не на голове, а на доверии народном... Борьба с коррупцией – вот наш главный национальный проект, который должен щедро финансироваться из средств, конфискованных у воря. И «кореек» должен ловить не Бендер, а Жеглов.

АиФ, 2019

Сказочник из Центробанка

Первый зампред ЦБ Сергей Швецов заявил, что русские сказки надо переписать, потому что они не учат правильному отношению к деньгам, а учат халяве. Поэтому надо их, сказки, переиначить. Какими же тогда должны быть русские сказки, чтобы они понравились нашим чиновникам от финансов?

Я, конечно, понимаю, что для банковского деятеля деньги – это примерно то же самое, что для проктолога известная часть человеческого тела, и она, обширная, может заслонить ему весь мир. Но всему есть, как говорится, предел. Заявить в стенах Центробанка, что в русских сказках имеет место неправильное отношение к деньгам, – это как на гайдаровском форуме призвать к коммунистическому принципу «от каждого по способностям, каждому по труду». Не там, не про то и не тем. Напомню, основные сказочные сюжеты складывались ещё в те времена, когда натуральное, видите ли, господин финансист, было хозяйство. Не знаете – может заглянуть в книжку учёного-фольклориста Владимира Проппа «Исторические корни волшебной сказки».

С таким же успехом можно предложить грекам переписать свои мифы. Как известно, там боги, герои и простые смертные обходились не только без Центробанка, но и вообще без денег. В основном работали дубинками, мечами, кулаками, а так же сельскохозяйственными орудиями труда. В крайнем случае, менялись: за десять финансистов брали одну хорошенькую пленницу. Время такое было. А ростовщики появились на нашу голову попозже...

Что касается халявы, то мэтр Швецов в силу профессиональной зашоренности просто не в теме. В сказках речь ведется о чудесном воздаянии за верность, скромность, трудолюбие и нестяжательство. Прилетела горлица и одарила простого сельского парня за добрый нрав. От банка-то не дождешься, он может только избу с печкой за долги отобрать. В этом волшебном воздаянии – сердцевина, суть русской сказки, и не только русской, но у нас это выражено ярче. А вот лихоимство, гордыня, жадность, спесь, хитрость, стремление обмануть, обобрать ближнего с помощью процентной ставки в наших сказках как раз сурово наказываются. В нашем фольклоре герой – это честный трудолюбивый бедняк, или «дурак». Почему дурак? А потому что, как и сейчас, в те давние времена богатые считали бедных дураками. Вот «дурак» в сказках и оставлял в дураках спесивых мироедов. Почему бедняк, спросите? А почему и сегодня зарплата врача, учителя, инженера, квалифицированного рабочего на порядок, если не на два меньше Вашего жалования с бонусами, господин Швецов? Сегодня, как и во времена сложения сказок, честного труженика судьба в лице Центробанка или каких-то других волшебных сил, увы, не вознаграждает.

Все наши сказки сложены с чувством насмешливого презрения к тем, кто посвятил себя наживе, именно мздоимцы и скряги – резко отрицательные герои нашего фольклора, опираясь на которых, Пушкин писал: «Там царь Кашей над златом чахнет...» Ну прямо про нынешних министров-монетаристов. Экономика-то на месте топчется, а люди в ста километрах от сказочной Москвы перебиваются кое-как.

Более того, стяжательство, болезненное сребролюбие в наших сказках всегда сурово наказывается. И наоборот: доброе, даже простоватое бескорыстие, стремление помочь от души всегда вознаграждается. На этом построены наши сказки. Никакой «халявы» там нет в помине, в отличие от жизни. Где был бы сейчас наш «верхний слой», если бы не халява, доставшаяся ему от социализма и оплаченная кровавым потом многих поколений? Про залоговые аукционы, чай, не забыли? А вы, финансисты, где были бы сегодня, если бы царь-батюшка не спасал регулярно банковскую систему от краха за счет налогов, которые платим мы – «дураки».

Да, русский менталитет очень точно выражен в наших сказках. И этот фольклор вы, господин Швецов, хотите переписать? Может, лучше подумать над тем, как, пользуясь финансовыми рычагами, сократить опасную пропасть между богатыми и бедными? А то ведь почти забытое русское слово «захребетники» снова вернулось в живую речь. О, я понимаю, вам нужен новый, капиталистический фольклор, такой, чтобы читая на ночь книжку сыну или внуку, не приходилось объяснять отпрыску, еще не налившемуся классовой спесью, почему у нас и сегодня в Отечестве у одних жемчуг мелок, а у других щи пустые. Но, уверяю вас: негодную элиту поменять гораздо легче, чем хороший фольклор, уходящий глубокими корнями в нашу трудную историю...

АиФ, 2019

«Я был инструктором райкома...»

Почему-то считается, что литературную известность в комсомольской среде я обрел после того, как в январе 1985 года, еще при К.У. Черненко, в «Юности», которую редактировал тогда Андрей Дементьев, вышла после четырехлетнего запрета моя повесть «ЧП районного масштаба». Это вовсе не так. Но поговорим сначала о «ЧП».

Ради справедливости хочу напомнить, что зеленый свет ей дали благодаря постановлению ЦК КПСС о совершенствовании партийного руководства комсомолом. Там шла речь о серьезных недостатках в работе крупнейшей молодежной организации страны, а литература и искусство по сложившейся традиции должны были образно и оперативно проиллюстрировать, или, как тогда выражались, «протащить» «узкие места» младшего помощника партии. Бросились искать у советских писателей что-нибудь критическое о комсомоле, но ничего, кроме, опального «ЧП», не нашли. Перечитали в свете последних решений. А что? Ничего там страшного. Мог бы автор и поострее выступить, партия учит не бояться самокритики. Печатайте под личную ответственность!

Публикация вызвала сначала оторопь, потом бурю мнений, по стране прокатились стихийные обсуждения и дискуссии. На некоторые встречи меня приглашали: рубились там все-рез, а главное – за молодежными темами неизбежно маячил скепсис в отношении «руководящей и направляющей силы общества». Наверху спохватились, пошла команда – и в печати повесть ругнули за перегибы. Особенно расстарался обозреватель «Комсомольской правды» Виктор Липатов, опубликовавший разгромную рецензию «Человек со стороны». Несколькоми годами раньше он же печатал с продолжениями в КП повесть о буднях райкома ВЛКСМ, сочиненную в лучших традициях «шоколадно-ванильного» реализма. На самом деле, человеком со стороны был он, доморощенный искусствовед, а я к тому времени на общественных началах прошел путь от комсорга 8 «Б» класса 348 московской школы до члена МГК ВЛКСМ. Интересно, что именно Липатов в 1991 году на волне декоммунизации тихой сапой, подбив коллектив, сверг Андрея Дементьева, возглавил и погубил в конечном счете легендарную «Юность». Это к вопросу о том, какой тип людей взял власть на том сломе эпох.

Впрочем, разносная критика вскоре прекратилась, а через год «ЧП» было удостоено премии Ленинского комсомола. Но, к сожалению, повесть, хотя и вышла миллионными тиражами, была заслонена в массовом сознании талантливым одноименным фильмом Сергея Снежкина, комсомола почти не знавшего. Воспитанный в духе интеллигентно-кухонного антисоветизма, он всю тогдашнюю жизнь воспринимал как паноптикум и ленту сработал в духе жестокого, непримиримого гротеска. Когда он гордо показал мне пробы на главную роль Игоря Бочкина, я пришел в недоумение. Брутальная, я бы даже сказал, «звероватая» внешность актера, в ту пору малоизвестного, вызывающе не совпадала человеческим типом, характерным тогда для комсомольских вожаков. Это был принципиальный подход: «Я этих гадов так вижу!» Следом режиссер положил передо мной снимок другого актера, выбранного им на роль первого секретаря райкома партии Ковалевского, в повести предстоящего, если помните, человеком достаточно мягким. «Он же на Геринга похож!» – вскричал я. «Точно! Одно лицо!» – благосклонно кивнул Снежкин. «Не утвердят...» – покачал я головой. «Посмотрим!»

Утвердили. Фильм выпустили в 1988 году. В Госкино его приняли со сдержанной доброжелательностью. Черный миф о советской власти начали формировать уже тогда. Зачем? Стало ясно позже... Давала Советская власть поводы для жесткой критики? Давала. Заслуживала она уничтожения? Нет, не заслуживала, ее можно было реформировать, приспособив к новым целям. Но решение приступить к ликвидации уже приняли. И мастера культуры – кто сознательно, кто невольным, кто по наивности – стали работать на этот проект. Автор этих строк не исключение. Некоторое время лента шла на «закрытых экранах», что только придало ей

скандальной остроты. Потом выплеснулась в кинотеатры, вызвав ажиотаж, шум, похвалы, но в итоге – полузабвение, в котором утонули почти все громкие премьеры и дебюты периода гласности.

Кстати сказать, фильму «ЧП районного масштаба» в этом юбилейном для комсомола году исполнилось 30 лет. Годовщину не заметили. Фильм иногда показывают по телевизору, но знаковой лентой поздней советской эпохи, как «Москва слезам не верит», «Мы из джаза» или «Маленькая Вера», он не стал, оказавшись лишь яркой страницей перестроечного самопогрома. Почему? Искусство, понимающее, доброе, прощающее, всегда долговечнее и ближе людям, нежели искусство, клеймящее и обличающее. Недавно я посмотрел на Первом гала-концерт к 100-летию Александра Галича, где в исполнении отличных артистов прозвучали его самые главные, легендарные песни, а параллельно на других каналах показывали ленты, в создании которых он принимал участие как кинодраматург: «Верные друзья», «На семи ветрах», «Вас вызывает Таймыр», «Дайте жалобную книгу!» И я вдруг поймал себя на мысли, показавшейся мне, сатирическому писателю, очень обидной: как же быстро устаревают даже самая талантливая напраслина! Зря все-таки Галич расплевался с Советской властью. Право слово, его обличительные гитарные фэнтези на заданную тему сегодня лично у меня вызывают чувство неловкости. Так и видишь миллионы сталинских жертв, которые два раза в месяц, получив денежный перевод из казны, съев в ресторане цыпленка-табака и приняв «коньячка полкило», дружно проклинают ГУЛАГ. Вот так видится суровая история трудной страны из-за столика в ресторане Дома кино. Высоцкий пел примерно о том же, но почувствуйте разницу, хотя тоже не сидел, и не воевал... А вот советские фильмы Галича – я бы смотрел и смотрел. Жаль, мало он успел на этом поприще. Борьба позвала!

Но вернемся к началу этих мемуарных заметок. Известность в комсомольской среде я получил раньше публикации «ЧП» в «Юности». В апреле 1982 года в журнале «Новый мир» вышло мое стихотворение «Воспоминание о райкоме» с посвящением Павлу Гусеву. Он тогда еще не возглавил «Московский комсомолец», а, при драматических обстоятельствах уйдя с поста первого секретаря Краснопресненского РК ВЛКСМ, трудился в «дочке» ЦК ВЛКСМ – Комитете молодежных организаций (КМО), и заочно получал второе образование в Литературном институте. Именно Гусев в свое время рекомендовал меня, только что избранного комсорга Московской писательской организации, в бюро РК ВЛКСМ. Я захотел поддержать опального товарища и посвятил стихи ему. Павел мне признавался позже, что такого количества звонков, восторгов и поздравлений, которые обрушились на него после публикации в «Новом мире», он потом никогда не получал, хотя фейерверков в его жизни хватало.

Немудрено. Во-первых, как ни странно, стихов о комсомоле тогда уже писали мало, даже заказных, а от души – днем с огнем не сыщешь. Во-вторых, поэзия в ту пору имела массового, многомиллионного читателя, а не редких чудаков-любителей, как ныне. В-третьих, «Новый мир» был не просто популярным «толстым» журналом, а маркером советской интеллигентности. Помните, что читает в больничном саду полиглот Хоботов из блистательных «Покровских ворот»? Правильно! К сожалению, нынешний «Новый мир» – это, скорее, галльон, уцелевший от взорванного авианосца.

Мои стихи в номер отобрал сотрудник журнала поэт Сикорский, у которого в начале 1970-х я занимался в семинаре Литературной студии при МГК ВЛКСМ и Московской писательской организации.

– Вадим Витальевич, может, лучше про любовь! – просил я.

– Юра, помилуйте, сколько лет тут сижу, а в первый раз человеческие стихи про комсомол попались. Не спорьте! Нам надо закрыть тему.

Тему я, конечно, не закрыл, но неожиданно мое стихотворение обрело среди комсомольских работников и активистов популярность, его читали по радио, со сцены, перепечатывали. Помню, один из влиятельных секретарей ЦК ВЛКСМ, встретив меня на каком-то меропри-

ятии, взял за пуговицу и сказал: «Вот если бы ты так же написал свое «ЧП», давно бы уже напечатали!» А ведь сочинились-то стихи случайно. Летом 1981 года я получил долгожданный билет члена Союза писателей СССР и заехал на улицу Лукьянова, соединяющую Старую и Новую Басманные, в Бауманский райком комсомола, где работал в 1977–1978 инструктором-подснежником. То есть, зарплату мне выдавали в другой организации – во Всероссийском обществе слепых, там же лежала и трудовая книжка. Не скрою, заехал я похвастаться и обмыть билет с былыми соратниками – Сашей Гришиным, Володей Соколовым, Борей Ялкетманом, Колей Герасимовым, Галей Никаноровой. . . Когда я вошел в знакомый старомосковский особнячок, у меня защемило сердце: там кипела та же простодушная аппаратная суета, в которой карьерная корысть почти еще не проглядывалась в искреннем торопливом энтузиазме. «Молодость, ты была или не была!» – прошептал я, 26-летний ветеран, и увидел себя бегущим по извилистому коридору со справкой в руке. Завязь будущего стихотворения чаще всего рождается в душе от грусти. И беда не в том, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, а в том, что реки бегут и исчезают в Океане, который ни одну из них, даже самую полноводную, не помнит по имени.

Через месяц я почти на одном дыхании написал эти стихи, которые и хочу в 100-летие нашего незабвенного Комсомола напомнить читателям.

Воспоминания о райкоме

Павлу Гусеву

Я был инструктором райкома,
Райкома ВЛКСМ.
Я был в райкоме словно дома,
Знал всех и был известен всем.

Снимая трубку телефона,
Я мог решить любой вопрос:
Достать молочные бидоны
И провести спортивный кросс.

О, как я убеждал умело,
Старался заглянуть в нутро.
Когда ж не выгорало дело,
Грозился вызвать на бюро!

К полночи доплетясь до дома,
Снопом валился на диван,
Как будто я построил домну
Или собрал подъёмный кран.

Оговорюсь на всякий случай:
Я знал проколы и успех.
Да, я инструктор был не лучший,
А всё же был не хуже всех!

Как говорится, по другому

Теперь я ведомству служу,
Но в переулок тот, к райкому,
С хорошей грустью захожу.

Здесь всё в дыму табачном тонет,
Как прежде, срочных дел – гора.
И, словно взмыленные кони,
Прносятся инструктора.

Мальчишечка звонкоголосый
Кричит, настойчив и ретив:
– Вы не решаете вопросы!
А для чего тогда актив?..

И, трубку положив сердито,
Он, хмурясь, остужает пыл.
Ещё всё это не забыто:
И я таким недавно был!

Предполагал успеть повсюду,
А в голосе звенела сталь,
Но я таким уже не буду
– Смешным, напористым...
А жаль.

(1981)

Октябрь, 2018 год

Космос комсомола

Комсомолу – сто лет. Век назад он создавался как Коммунистический союз молодежи, молодая гвардия мировой революции со всеми положенными коминтерновскими и даже троцкистскими «прибамбасами». Потом, с годами он стал просто комсомолом, без расшифровки, стал одним из ярчайших феноменов Советской цивилизации.

Новое – это понятое старое. Год от года мы всё внимательнее вглядываемся в великий и противоречивый советский опыт. Кое-что уже востребовано и вернулось в практику, до чего-то еще не доросли. Например, до Комсомола. Вероятно, по этой причине 100-летие Комсомола Кремль не решился отмечать как общегосударственную дату, видимо, не захотел напрягать отношения с российскими либералами – политическими протагонистами США. Мне и прежде в юбилейных эфирных спорах с людьми, страдающими острой формой либерального психоза, приходилось всерьез доказывать, что Комсомол и гитлерюгенд не имеют между собой ничего общего. Оппоненты очень удивлялись, недоумевая, почему автор повести «ЧП районного масштаба» упорно защищает то, что некоторое время назад сам же обличал? Но тот, кто критикует, чтобы улучшить, и тот, кто критикует, чтобы уничтожить, никогда не поймут друг друга.

Комсомол, как и всю Советскую власть, нельзя рассматривать и оценивать вне жестких исторических вызовов, брошенных нашей стране в начале XX века. Телодвижения двух борцов, сплетенных в схватке на ковре, абсолютно логичны и понятны. Но попробуйте мысленно убрать одного из спортсменов – и тогда яростные барахтанья оставшегося покажутся какой-то brutальной бессмыслицей. Однако именно так часто судят Советскую эпоху в целом и Комсомол в частности, забывая, что чрезмерность государственного принуждения была не ядовитым плодом чьей-то злой воли, а единственным способом сохранить, сплотить и модернизировать разрушенное Отечество.

Комсомол, рожденный революцией для молодого разрушительного буйства, очень скоро, повинувшись исторической логике, превратился в союз созидателей. Он помогал полуграмотному юношеству приобщаться к знаниям, консолидировал молодежь для восстановления испепеленной экономики, поднимал на защиту Отечества от фашизма, принимал активное участие в осуществлении громадных проектов – таких, как Магнитка, Братск, БАМ, Тюмень... Плодами комсомольских трудов, во многом бескорыстных, пользуются ныне не только олигархи, но отчасти и мы с вами.

Да, Комсомол являлся надежным помощником КПСС. Но поверьте мне, как очевидцу: самостоятельности у этого «помощника» было куда больше, чем сегодня у некоторых парламентских партий. Да, Комсомол жил и действовал под стягом коммунистической идеологии, которая тогда считалась передовой, между прочим, не только в СССР. А возможно, и была для своего времени таковой. Устарела? Наверное... Но ведь буквально на наших с вами глазах усыхает вчера еще казавшийся вечнозеленым либерализм, увитый пожухшими орхидеями свободы слова! Поэтому про то, кто «передовитей», давайте поговорим лет через сто, как любил выражаться певец «боевого КИМа» Маяковский.

Принято считать, что ВЛКСМ, пораженный внутренним кризисом, изжил себя и бездарно распался вместе с Советским Союзом. Но это далеко не так. Действительно, в 70-е годы обострилась давняя бюрократическая болезнь, выражавшаяся в пустословии и отрыве аппаратчиков от рядовых членов организации. Собственно, по этому поводу я и возмущался в своем «ЧП». Однако сей недуг имеет абсолютно внеидеологическое происхождение и характерен для всех сложных организационных структур. Сегодня такой же болезнью страдают, например, крупные банки и госкорпорации. Но даже впавшие в самое густопсовое «комчванство» комсомольские вожаки прежних лет никогда не получали к Новому году бонусы в пару миллионов долларов. Почувствуйте разницу!

Созданный для экстремальных исторических нагрузок, Комсомол в обстановке стабильности, именуемой также «застоем», зачиновничал, заскучал, заформализовался. Но ведь и в мирной армии угодливый ординарец ценится дороже боевого командира. Тенденция, однако... Зато, как только после 1985-го страна стала меняться, Комсомол ожил, начал не на словах, а на деле, не по Горбачеву, а по уму, перестраиваться: он стремительно деидеологизировался, дифференцировался, ориентируясь на разные социально-образовательные группы молодежи, экономически обособливался от государства. Молодая предприимчивость на глазах превращалась в предпринимательство, а организационная работа все больше походила на менеджмент. Вот почему среди богатеньких российских «форбсов» столько выходцев из Комсомола, который мог бы выжить и остаться. Но перед элитой, предавшей страну, была поставлена задача – уничтожить Советскую цивилизацию. Она приказ выполнила и уничтожила. Вместе с Комсомолом.

ВЛКСМ, с одной стороны, был массовой молодежной организацией, а с другой – кузницей государственных кадров, о чем теперь вдруг вспомнили и завели свою «президентскую тысячу». Человек, поднявшийся по ступенькам комсомольского аппарата, неизбежно, за редким исключением, становился убежденным державником и получал уникальные навыки руководящей работы. Катастрофа 90-х во многом объясняется тем, что проводить сложнейшие реформы поручили вольным завлабам, а не новому поколению профессиональных организаторов, давно уже поднявшихся над устаревшими догмами и стереотипами. Их все равно призывали, но позже, когда надо было спасти страну. Поскреби сегодня крупного хозяйственного, административного или политического деятеля, найдешь бывшего комсомольского работника. Одна только беда: кузница эта давно остыла, а заготовки кончились...

Сегодня вместо Комсомола в России множество молодежных организаций, но их влияние на новое поколение ничтожно. Это как раз тот классический случай, когда количество не переходит в качество. А из «Наших», уж простите меня, и вообще получилась какая-то художочная пародия на ВЛКСМ. Ни нашим, ни вашим... Видимо, создать мощную, жизнеспособную молодежную организацию силами Администрации президента в принципе невозможно. А значит, у нынешнего государства Российского нет серьезных, действенных форм влияния на молодых граждан. Остановите на улице юношу или девушку, спросите: «Кто в России отвечает за работу с молодежью?» Не знают. А имена Косарева, Тяжельникова, Мишина знали все.

Может быть, к сто первой годовщине Комсомола мечтательные прагматики Кремля все-таки сообразят, что молодежь нужно осваивать так же, как Космос – упорно, системно и не жалея средств.

Юрий Поляков, лауреат премии Ленинского комсомола

Октябрь, 2018 год

История одной полемики

Дитя-злодей: штрихи к портрету

По поводу морального облика молодого человека спорят всегда, во все эпохи. И эта публикация – тому еще одно подтверждение. Началась пикировка, как ни странно, в журнале «Крокодил», где большие советские поэты печатались нечасто. Но тут как раз тот самый случай: в сентябрьском номере сатирического журнала за 1974 год (№ 27) появилось такое стихотворение Евгения Евтушенко.

Дитя-злодей

*Дитя-злодей встает в шесть тридцать,
Литой атлет,
Спеши попрыгать и побриться
И съесть омлет.
Висят в квартире фотофрески
Среди икон:
Исус Христос в бродвейской пьесе,
Алан Делон.
На полке рядом с шведской стенкой
Ремарк, Саган,
Брошюрка с йоговской системкой
И хор цыган.
Дитя-злодей влезает в «троллик»,
Всех раскидав,
Одновременно сам и кролик,
И сам удав.
И на лице его бесстрастном
Легко прочесть:
«Троллейбус – временный мой транспорт, —
Прошу учесть».
Вот подъезжает он к ИНЯЗу
Или к МИМО,
Лицом скромнеет он, и сразу —
Чутье само.
Он слышит чей-то голос слабый:
«Вольтер... Дидро...»
А в мыслях – как бы тихой сапой
Пролезть в Бюро.
В глазах виденья, но не бога:
Стриптиз и бар,
Нью-Йорк, Париж
И даже Того и Занзибар.
Его зовет сильнее, чем лозунг
И чем плакат,
Вперед и выше – бесполосный
Сертификат.*

*В свой электронный узкий лобик
Дитя-злодей
Укладывает, будто в гробик,
Живых людей.
И он идет к своей свободе,
Сей сукин сын,
Сквозь все и всех,
Сквозь «everybody», сквозь «everything».
Он переступит современно
В свой звездный час
Лихой походкой супермена
И через нас.
На нем техасы из Техаса,
Кольцо из Брно.
Есть у него в Ильинке хаза,
А в ней вино;
И там, в постели милой шлюшки,
Дитя-злодей
Пока играет в погремушки
Ее грудей...*

А ответ на это стихотворение вскоре появился в «Комсомольской правде». Он не имел авторской подписи, подразумевалось, что это плод труда коллективного.

Лирику-сатирику

*Позвольте мне к Вам обратиться,
Мон шер Эжен!
Ведь это я встаю в шесть тридцать,
Ваши «протеже».
Омлет съедаю, чисто бреюсь,
(Пух на губе).
Сажусь в голубенький троллейбус
Под буквой «Б».
Прижавшись к кассе, я читаю
(Вольтер, Дидро).
Меня толкают, я толкаю,
Что ж – не метро.
В соседку вперившись глазами —
В который раз!
Схожу на Крымской.
Кто-то с нами, а кто в ИНЯЗ.
Нас мучают порой виденья —
Не Рим, не Брно.
Сильна программа обучения —
В глазах темно.
А в «звездный час» мы в комитете.
Забот не счесть.*

*И отдых разве что в буфете,
Коль деньги есть.
Идет уже почти полгода
(Театр у нас)
«Под кожей статуи свободы»
В свободный час.
Я ежегодно в стройотрядах
Кладу кирпич.
Я – плотник высшего разряда,
Студент-москвич.
Нет у меня отдельной «хазы»
И «шлюшки» нет...
А что «техасы»? Так в «техасах» —
Любой поэт.
Мне чужды и Христос бродвейский,
И диссидент.
Я – гражданин Страны Советской,
Её студент.
И, в общем, мы давно не дети,
Нам ясен путь.
Себя мы чувствуем в ответе
За жизни суть.
За землю, за судьбу эпохи
И за стихи,
Которые порой неплохи,
Порой плохи.
Мы молоды, но в чувствах строги.
Иной поэт
Не ведает пути-дороги
И в сорок лет.
В поездках частых за границу
Под крик «виват»!
И лире может полюбиться
Сертификат.
Ну, я кончаю. Завтра снова
Мне в институт.
И в комитете комсомола
Дела не ждут.
Вы приезжайте, посмотрите...
Познайте нас,
Быть может, больше разглядите
(Высок Парнас).
Мне очень жаль, Вы оболгали
Своих друзей.
Я грубоват? Чего ж Вы ждали?
«Дитя-злодей»*

Ну и где он сегодня, дитя-злодей? Кем стал? И как выглядит на фоне представителей нынешней «золотой молодежи»? Комментарий писателя Юрия ПОЛЯКОВА, лауреата премии Ленинского комсомола, автора повести «ЧП районного масштаба».

...Давняя эта полемика отражает тогдашнюю нашу реальность. Расслоение советского общества не было секретом, а ориентация «золотой молодежи» на закордонные материальные и духовные ценности многих раздражала. До сих пор помню, популярную телевизионную пародию тех лет на стилиягу:

*– На восток езжай, сынок! —
Предлагает папа.
– Не хочу я на восток,
Я хочу на Запад!*

Ясно, что нарастающая «кастовость» верхнего слоя, особенно связанного с зарубежными делами, беспокоила власть. Все понимали, что стремление «детей-злодеев» пролезть в Бюро, чтобы потом получить работу за рубежом и обеспечить себя «бесполосными сертификатами», вещь далеко не безобидная. Для того и создавались рабфаки при престижных вузах, проводились специальные наборы в МГИМО «от станка и сохи». Давались рекомендации *от комсомола* для поступления в труднодоступные вузы. Но, увы, даже всемогущий Сталин в отчаянье повторял: «Проклятая каста...»

Евгений Евтушенко, обладавший фантастическим чутьем на конъюнктурное свободомыслие и правдолюбие, такой острой темой просто не мог не воспользоваться и сделал это талантливо. Не знаю уж, кто писал «лирику-сатирику» рифмованный ответ, в чем-то искренний и справедливый, но, как говорится, «поэзия там и не ночевала», а у Евтушенко еще как ночевала:

*В свой электронный узкий лобик
Дитя-злодей
Укладывает, словно в гробик,
Живых людей...*

Конечно, нам, глядя из современной России, оценивать тот спор несколько диковато. Во-первых, мы знаем, чем все закончилось и что правительство молодых реформаторов во главе с Гайдаром состояло как раз из таких вот «детей-злодеев», они своим инфантилизмом при попустительстве пьющего дядьки Ельцина едва не погубили страну. Во-вторых, прибабасы советской золотой молодежи в сравнении с нравами нынешних «мажоров, – это как помет канареек по сравнению с фекальным бомбометанием птеродактилей. В-третьих, известна и судьба самого Евгения Евтушенко, удравшего из Отечества, взбаламученного не без его участия, в Америку, прожившего в Штатах почти тридцать лет, там же и умершего. Ей-богу, если бы я написал поэму «Под кожей Статуи Свободы», мне никогда бы не пришло в голову поехать в США не то что на ПМЖ, а даже на похороны родной бабушки. Впрочем, обе мои бабушки скончались на Родине. А в поэзии, даже ернической, талант, увы, выше нравственности, и образ шире замысла... Как все-таки лихо написано, в том числе и о нынешних отпрысках наших ошалевших от безнаказанности нуворишей:

*И там, в постели милой шлюшки,
Дитя-злодей
Пока играет в погремушки*

Ее груди...

Газета «Труд», сентябрь, 2018

Зачем отливают пули?

Недавно на губернатора Тверской области Игоря Руденю обрушился такой информационный грязепад, какой не лился даже на головы самых оскандалившихся наших чиновников. Даже тех, кто попался на взятках и очутился в местах не столь отдаленных, наша продвинутая пресса так не склоняла. Чем же провинился руководитель в целом благополучной области, не огорчающей мечтательных прагматиков Кремля? Вы не поверите, либеральные СМИ набросились на губернатора Руденю из-за литературы. На обсуждении книг, выдвинутые на соискание областной премии имени Николая Гумилева, он сказал о том, что в литературу должен вернуться человек труда и что авторы должны заботиться о нравственном состоянии общества. «Демография, экономика, нравственное воспитание общества. Вот три темы, которые должны быть во всех произведениях».

Конечно, сформулировано, как говорится, «напрямки», без гуманитарных туманов, но ведь и сказал это не критик из журнала «Знамя», а руководитель, озабоченный обустройством наших земных удобств. Но по сути-то сказано правильно! Устали мы от засилья книжек про тех, кто уехал или уезжает на ПМЖ в теплые страны. Я бы на месте губернатора лишь добавил слово «тоже», мол, все эти темы тоже должны присутствовать в произведениях. Со всем прочим согласен. Разве настоящего поэта, прозаика, публициста не должно волновать, что целые регионы России сегодня вымирают, а большинство граждан живет кое-как? Разве советский строй снесли не затем, чтобы не мешал развиваться экономике? Когда валили СССР, писатели кричали громче всех: «Эй, ухнем, сама пойдет!». А теперь, выходит, Бог с ней, с экономикой, пусть растет как придорожная трава? Пусть торжествует принцип: «Хапнул здесь – потратил там?»

А нравственность? Разве это не главная задача поэта – «чувства добрые лирой пробуждать»? «Нам не нужна богема абстрактная, нам нужна пропаганда», – с риском для жизни добавил губернатор и снова был прав. Прав, по сути. Не надо бояться слова «пропаганда», оно не хуже слова «демократия», которую тоже нужно пропагандировать, чем и занимаются перед каждыми выборами так, что хочется залить уши воском. Замечу, самому демократическому государству в мире США не претит самый тупой агитпроп, достаточно посмотреть оscarоносные голливудские фильмы, чтобы в этом убедиться. Конечно, наше искусство должно быть тоньше, но от принципа зачем же отказываться? Плодотворные идеи должны укореняться в сознании в том числе и с помощью литературы, имеющей огромное воспитательное значение. Не понимать этого – то же самое, как не догадываться, что женская грудь создана прежде всего для кормления, а лишь потом для смелых ласк.

Что же касается «абстрактной богемы», то сознаюсь: такого удачного образа я давно не слышал от наших руководителей. В точку. Лучше и не скажешь об иных мастерах искусств, взирающих на Россию скучающим взглядом человека, вышедшего на обочину из иномарки по нужде. Впрочем, деньги для оплаты своих творческих утех они вырывают из казны с изобретательной жадностью. В общем, ничего чего-то такого, что не соответствует реальности, тверской губернатор не сказал. К тому же был мягок, оговаривался, мол, и другое искусство, которое без человека труда, тоже пусть процветает.

Но передовая пресса возбудилась, как тинейджер при виде голой учительницы! Вот только некоторые возмущенные заголовки: «Нам нужна пропаганда?» (Радио «Свобода»), «Обидно за Гумилева» (РИА ФАН), «Тверской губернатор променял богему на человека труда» (Лента. ру), «Тверской губернатор потребовал присудить премию Гумилева за «пропаганду», «Им нужна пропаганда» (Каспаров. ру), «Досталась награда поэту из «ада»» («Каван»), «Гумилев и Огурцов. Как русская поэзия будет славить человека труда?» («Сноб») И так далее, и тому подобное.

Что тут поделаешь? Я-то вообще считаю российский либерализм видом нервического расстройства. Во-первых, господа, не стоит обижаться за Гумилева. Николай Степанович был патриотом, и, при виде нынешней русской демографии, выразился бы куда резче. Да и пропаганда ему была не чужда, возьмите хотя бы его военные стихи: «Золотое сердце России мерно бьется в груди моей...» Предполагаю, что авторы статей, названия которых я привел выше, даже под страхом лишения квартального бонуса не стали бы цитировать эти строчки классика. Что уж там бьется у них в груди, черт его знает.

Более того, Николай Гумилев очень серьезно относился к человеку труда. Сошлюсь на его хрестоматийное стихотворение «Рабочий». Помните:

*Он стоит перед раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.
Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит,
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит...*

Николай Степанович предчувствовал и, увы, испытал на себе, чем заканчивают царства, где не уважают человека труда. И хотя послал его на смерть, скажем так, интеллигент-интернационалист, а приговор в исполнение привели, скорее всего, латышские стрелки или красные мадьяры, но причина-то революции крылась в страшном тогдашнем расслоении, странно напоминающем нынешний перекосяк в доходах и расходах. Но если поэт-провидец писал об «отливании» пули социального возмездия, то гуманитарные каратели, обрушившиеся на прямодушного Игоря Руденю, отливают совсем другие пули, буйно лукавят, бузят против здравого смысла, который и прозвучал в словах тверского губернатора. Да, он выразился по-своему, но о том же самом давно говорят читатели, уставшие от мрачной халтуры «абстрактной богемы», и приличные писатели.

Держитесь, губернатор Руденя! Тверской вице-губернатор Салтыков-Щедрин думал так же.

Юрий Поляков, лауреат премии Салтыкова-Щедрина

МК, сентябрь 2018

Без искры Божьей

Выступление на пасхальных чтениях в Совете Федераций

Ваше Святейшество! Коллеги! Сподвижники!

... Читая книгу иного современного автора, глядя фильм или спектакль какого-нибудь «золотомасочного» режиссера, невольно вспоминаешь строки Евангелия от Матфея: «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тогда тьма?» Есть такая точка зрения, будто искусство подчиняется лишь своим особым законам, и если крупный художник считает нужным вместо иконы повесить в красном углу «черный квадрат», пусть вешает. Искусствоведы потом все объяснят и оправдают. Это, по-моему, лукавство.

Подлинный талант никогда не борется с моральными табу и нравственностью. Он может жестче других выразить ужас морального падения, глубже проникнуть в душу, тронутую тлением зла, тоньше исследовать анатомию греха. Но истинный талант всегда чувствует ту грань, за которой начинается хаос вседозволенности, ведь сохранение выработанных столетиями нравственных ценностей – это то же самое, что поддержание ядерного паритета в геополитике. Лишь ослабни – и окажешься посреди радиоактивной пустыни. А зло, как известно, никогда не станет разоружаться.

Человек, пришедший в искусство без искры божьей – за славой или заработком, действительно, вынужден постоянно, имитируя новизну, прибегать к эпатажу, переступать границы допустимого, отвергать мораль как преграду для самовыражения и сиюминутного успеха. Нецензурная надпись на заборе тоже ведь привлекает внимание, хотя на секунду. Подобные произведения, а точнее, производные от бесталанности, я бы не рискнул называть искусством, тут нужен какой-то специальный термин, обозначающий это явление, увы, распространенное ныне. Могу предложить: коммерческий эпатаж или провокативно-коммерческая деятельность. Кстати, называя «современным искусством» исключительно экспериментальное направление, мы впадаем в заблуждение и невольно становимся участниками мутных игр арт-дилеров. Сегодняшний реализм куда более современен. А пробирка, увеличенная до размеров домны, металла никогда не даст.

К тому же, новизна, и об этом тоже помалкивают искусствоведы, бывает обогащающей и обедняющей. Сегодня мы чаще имеем дело с обедняющей новизной. Так, нынешняя наша литература за редкими исключениями во многом утратила многоплановую сложность смыслов, художественную выразительность и вербальное богатство дореволюционной и советской классики. Она стала нищей духом не в аллегорическом, а в буквальном смысле. В этом ее новизна. Но нужна ли такая новизна? Культ самовыражения тоже ничего особенного не дал, ибо в искусстве выразиться можно только через мастерство. И никак иначе.

Особенно остро ощущается утрата нравственного авторитета в сфере детского и юношеского искусства. Прежде всего, исчез без целенаправленной поддержки государства мощный некогда цех литераторов, пишущих для подрастающего поколения. А поскольку литература в нашей традиции – базовый вид искусства, питающий и театр, и кино, возник дефицит фильмов и спектаклей для «юношей, обдумывающих житье». Многие забыли, что ТЮЗ – это театр юного зрителя, а не зона для болезненных режиссерских экспериментов, требующих иной раз маркировки 18+. В павильонах некогда знаменитой и плодотворной киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького еще недавно снимали все, что угодно: шоу о маньяках и сериалы о бандитах, – только не ленты для тех, кто вступает в жизнь. Кстати, за качеством собачьих консервов в магазине «Пушистый друг» у нас надзирают строгие органы, а вот за качество телепередач и фильмов, идущих в прокате, а также выставок не отвечает, кажется, никто.

Тем временем в обществе есть запрос на искусство, обращенное к сложным духовным проблемам. Сошлюсь на пример из собственного творческого опыта. Когда недавно в МХАТе

имени Горького, которым руководит народная артистка Т.В. Доронина, ставили мою новую пьесу «Золото партии», я опасался: будет ли интересна зрителям одна довольно продолжительная сцена. Не заскучают ли? Ведь, как известно, все жанры хороши, кроме скучного. В этой сцене почти столетний персонаж, в прошлом партийный руководитель крупной области, спорит о вере, атеизме, земной и вечной жизни со своим внуком, ставшим священником. Но именно этот спор оказался особенно интересен зрителям.

Слава Богу, мы отошли от навязанной нам в 1990-е годы концепции, когда театры оказывали потребителям «зрелищные услуги», а консерватория – «музыкальные». Возвращается, во многом благодаря Православной церкви, традиционное понимание воспитательной функции искусства, не отменяющей, конечно, и эксперимент, и самовыражение. В известной степени искусство – это особое зрение, которое необходимо человеку, чтобы понять себя и осознать свое место в обществе, истории, мироздании. И снова на память приходят строки евангелиста: «Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое буде светло. Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно...»

Апрель, 2018 год

Улица Горького

Рассматривать его судьбу и наследие лишь с точки зрения политической борьбы эпохи так же нелепо, как оценивать Шекспира, исходя из того, к какой придворной партии принадлежал великий драматург. Горький – один из тех немногих писателей, что говорят с читателем и зрителем поверх барьеров литературной критики и литературоведения. В интерпретаторах и навязывании нуждаются малоталантливые авторы, они, как слабоголосые певцы, ничего не могут без микрофона. Книга большого писателя – это как любовная лихорадка, наступающая внезапно и лишаящая покоя. Гений словно бы создает свой художественный вирус, и тот уже никогда не исчезнет, «заражая» одно поколение читателей за другим. В свое время Россия навсегда заболела Горьким. Ни «хрестоматийный глянец» советских времен, ни агрессивный скепсис диссидентов, засевавших в педагогических академиях, ни постсоветская смена вех и злопамятное переименование улиц, не излечили нас от этой высокой болезни. Градус по-прежнему высок!

Когда-то в школе я спросил мою учительницу литературы Ирину Анатольевну Осокину, мол, почему он взял себе такой псевдоним?

– А разве лекарство бывает сладким? – ответила она, улыбнувшись.

Писатель – болезнь и лекарство одновременно? Почему бы и нет.

Горький обладал особым даром различать человека во мраке. По умению найти и запечатлеть темные стороны бытия ему почти нет равных. Он соединил суровый натурализм предшественников с болезненным «бездноведением» декадентов, хоть и потешался над ними. Он вывел русский реализм из той теснины, в которую рано или поздно заходит любое направление, он напитал его энергиями нового века, если пользоваться лексиконом Александра Проханова. Без Горького невозможны Булгаков, Шолохов, Леонов... Именно по горьковской формуле сегодня русский реализм преодолевает ямину постмодернизма, замаскированную под клумбу с похоронными синтетическими розами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.